

Потерять великое ради малого

Опираясь на память прежнего владельца тела, Чу Цы знал, что экзаменационные листы на уездном уровне включают в себя пять основных типов заданий: тецзин, мои, цзючжан, шифу и цзавэнь.

Тецзин, если говорить современным языком, представлял собой проверку на знание текстов — нужно было по памяти вписать пропущенные фразы, не вдаваясь в их толкование. Мои же, напротив, требовали кратких ответов: экзаменуемому давали цитату, смысл которой надлежало раскрыть, опираясь на контекст или классические комментарии.

Обе эти части проверяли прежде всего память. Выражение «прочитать десять тысяч томов» в его прежнем мире могло казаться преувеличением, но здешние книжники действительно обязаны были знать каноны так глубоко, чтобы те буквально отскакивали от зубов.

Цзючжан — это математика. Большинство соискателей в ней не блистали, поэтому задачи здесь обычно давались попроще.

Под шифу подразумевалось сложение стихов. Как правило, экзаменаторы строго ограничивали рифмовку, требуя написать восьмистишие по пять иероглифов в строке. В эпоху Тан поэзия выделялась в отдельную дисциплину для получения степени цзиньши, что подчеркивало её значимость. Однако правители Великой Вэй ставили искусство прозы куда выше изящной словесности.

Вершиной же экзамена считалось написание цзавэнь — полноценного сочинения. Ученику давали фразу из Четверокнижия или Пятикнижия, которую он должен был развить, строго соблюдая каноническую структуру: от вступления и «раскрытия темы» до основной части, разделенной на строгие логические блоки — «ноги» аргументации. Рамок и ограничений здесь хватало, но поскольку школяры упражнялись в этом с малых лет, сама форма не представляла для них труда. Куда важнее была глубина мысли и проницательность.

Порывшись в воспоминаниях, Чу Цы отыскал тот год, когда сам сдавал уездный экзамен. Тогда темой стала фраза из «Лунь Юй»: «Тех, кто, будучи почтителен к родителям и любви к братьям, склонен к мятежу против старших — мало». Смысл заключался в том, что благочестивый сын и добрый брат вряд ли пойдет против закона и государя.

Приведя в пример несколько деяний древних мудрецов, прежний Чу Цы блестяще прошел испытание, заняв двенадцатое место в списке. После этого он шел от победы к победе, одолев окружной и провинциальный этапы. На последнем он и вовсе выбился в пятерку лучших, став линьшэнем в уезде Юаньшань.

Чжан Вэньхай же раз за разом переступал порог экзаменационной кельи и ни разу не смог

продвинуться дальше. По правде говоря, его нельзя было назвать даже туншэном, ведь этот титул официально носили лишь те, кто выдержал уездный и окружной отсеы. Хотя в народе всех, кто готовился к государственным испытаниям, по привычке величали так же.

Изучив уровень подготовки своего подопечного, Чу Цы составил для него учебный план: от простого к сложному, с постепенным погружением в тонкости.

Он велел парню читать «Лунь Юй», а сам устроился рядом с увесистой стопкой бумаги. Под рукой у него лежал точно такой же свиток классика. Время от времени юноша заглядывал в него, а затем его кисть начинала быстро летать по листу, что-то записывая.

Чжан Вэньхай, прочтя несколько строк, неизменно оглядывался на него. На душе у него было беспокойно — он всё гадал, какую новую каверзу уготовил ему этот юный гений.

Чу Цы чувствовал на себе рассеянный взгляд, но не спешил с замечаниями.

«В конце концов, — рассудил он, — некоторые уроки лучше усваиваются на собственной шкуре. Завтра ему будет не до витания в облаках»

Так пролетело утро. Пообедав, они снова вернулись в кабинет.

Дома Чу Цы привык немного отдыхать после еды, но здесь он не мог позволить себе такой вольности. В главе «Гунъе Чан» сказано: «Цзай Юй спал днем. Учитель молвил: „Гнилое дерево не поддается резьбе, стену из грязи и навоза не выбелить!“» Эти слова Конфуция — вечное клеймо для любого книжника, поддавшегося лени при свете солнца.

В родных стенах никто бы не стал болтать лишнего, но в поместье Чжан слухов не избежать. Одно неверное слово — и репутация Чу Цы будет запятнана.

Заварив себе крепкого чая, он разложил перед собеседником листки с вопросами, которые подготовил утром.

— Брат Чжан, будьте добры ответить на все эти вопросы в течение получаса. Учтите: за каждую ошибку или пропуск последует наказание.

Парень взглянул на стопку и обомлел. Перед ним лежало ровно пятьдесят задач типа тецзин, и все как одна — по «Лунь Юй».

В глазах у него потемнело, и он, запинаясь, выдавил:

— Брат Чу... полчаса? Но здесь столько вопросов, боюсь, я не...

— Если вы продолжите спорить, боюсь, у вас не останется и этого времени, — Чу Цы едва заметно улыбнулся, указав на песочные часы.

Чжан Вэньхай вздрогнул. Так вот зачем наставник еще с утра велел слугам принести их в кабинет! Глядя на тонкую струйку песка, уже начавшую отсчитывать мгновения, он мгновенно собрался и взялся за кисть.

Когда часы перевернули в четвертый раз, отведенное время вышло.

Чу Цы негромко постучал по столу, призывая остановиться. Собеседник засуетился, на его лбу выступили крупные капли пота:

— Погодите, я еще не...

Но Чу Цы был непреклонен. Он жестом велел Сяо Чэн-цзы, стоявшему за спиной хозяина, забрать листы. Слуга, видя жалкий вид своего молодого господина, замялся и стал двигаться нарочито медленно.

— Сяо Чэн-цзы, ты ведь помнишь, что велели твои хозяева? — ледяным тоном осведомился Чу Цы.

Мальчишку словно током ударило. Он одним рывком вытянул листы из-под руки ученика и, низко склонившись, поднес их Чу Цы.

Тот взял кисть с красной тушью и принялся за проверку. Он листал страницы с поразительной быстротой, вычеркивая и исправляя неточности.

Чжан Вэньхай сидел напротив, натянутый как струна. Даже чай и сладости, принесенные слугой, не могли отвлечь его от мучительного ожидания.

Вскоре Чу Цы отложил кисть на подставку. Дерево сухо стукнуло о столешницу. Сердце ученика пустилось вскачь, дыхание стало прерывистым.

Чу Цы мазнул по нему взглядом.

«Тугодум, — юноша мысленно добавил к характеристике еще одну черту. — К тому же, не обладает должной выдержкой»

— Взгляните сами. Пятьдесят вопросов, высший балл — сто. Вы набрали лишь семьдесят восемь, — в те времена системы оценок еще не существовало, поэтому Чжан Вэньхай поначалу не понял, много это или мало. Но когда он увидел последние страницы, испещренные красными кругами и пустотами, его лицо вспыхнуло от стыда.

— Это... всё из-за нехватки времени, я просто... — пробормотал он, не находя слов.

— Просто оставили столько пустых мест? — Чу Цы негромко рассмеялся. — Тогда ответьте мне: сколько часов длится уездный экзамен? Сколько времени уходит на переписывание тем? Сколько — на тецзин и мои? Сколько вы тратите на вычисления цзючжан и сложение оды? Ах да, не забудьте про время на чистовое переписывание ответов в бланк.

Вопросы сыпались один за другим, и парню нечего было возразить. Он вспомнил, как на настоящих экзаменах всегда терял голову от спешки, и в его глазах предательски заблестели слезы. Неужели он и впрямь безнадежен? Ошибиться в таких простых вещах...

— Знаете, почему вы так медлите? — Чу Цы неловко коснулся кончика носа. Он и не думал, что доведет его до слез. По сравнению с толстокожими школярами из его будущего, самолюбие здешних книжников казалось сделанным из тончайшей бумаги.

— Прошу вас, брат Чу, укажите мне на мои ошибки, — глухо отозвался Чжан Вэньхай.

— Вы слишком упрямы. И, пожалуй, совсем в себе не уверены.

— Что вы имеете в виду?

— Пока вы писали, я наблюдал за вами. Вы отвечали на вопросы строго по порядку, один за другим, верно?

— Да, так нас учили наставники.

— Порядок — это хорошо, — кивнул юноша. — Но вы вцепились в трудную задачу и не отпускали её, пока не потеряли время на те, что были вам по зубам. Среди вопросов по «Лунь Юй» я вставил отрывок из «Чжоу И». Вы не учили эту книгу, но вместо того чтобы пропустить незнакомое, решили, будто сами проявили небрежность при чтении. И вы потратили драгоценные минуты, пытаясь восстановить в памяти весь текст «Лунь Юй», верно?

— Откуда вы... — Чжан Вэньхай округлил глаза от изумления. Увидев ту злосчастную строчку, он и впрямь впал в панику и начал судорожно перебирать в уме все каноны, проклиная собственную забывчивость. Время ушло на бесплодные поиски.

Чу Цы снова усмехнулся. Бедняга так разволновался, что начал неосознанно бормотать текст под нос — это слышали и он, и Сяо Чэн-цзы.

— Неважно, откуда я знаю. А теперь взгляните на оставшиеся вопросы. Даю вам четверть часа, чтобы закончить. Если и в этот раз ошибок будет столько же, наказания не миновать.

Чжан Вэньхай схватил листы и, не теряя ни секунды, заполнил их. Он управился даже быстрее срока.

Проверив работу, Чу Цы не нашел ни единой ошибки.

— Видите? Если бы вы сразу пропустили тот вопрос, то ошиблись бы лишь однажды. Но вы упрямы — и потеряли шанс ответить на добрый десяток других. Вы потеряли великое ради малого. Помните: отступить — не значит проиграть. Порой шаг назад открывает безбрежные горизонты.

Эти слова обрушились на Чжан Вэньхай подобно грому среди ясного неба. В прежние годы, когда он проваливался, наставники лишь твердили, что ему не хватает прилежания. Но разве он не был усерден? Он трудился не меньше других, но те уходили вперед, а он топтался на месте.

Никто и никогда не наставлял его так прозорливо, помогая разобраться не только в науках, но и в самом себе.

— Брат Чу... нет, учитель! Примите мой поклон! — в этот миг он осознал истинный смысл выражения «учитель одного иероглифа». Он низко склонился в глубоком, искреннем почтении.

— Ну что вы, не стоит, — Чу Цы поспешил поднять его за локти. — Какой из меня мастер?

— Святые говорили: «Кто раньше постиг истину, тот и наставник. Кто искусен в ремесле, у того и учатся». К чему смотреть на возраст? Для меня вы — истинный учитель, и это не обсуждается.

— И всё же — не смейте! — Чу Цы поспешил пресечь эти опасные речи. — Пусть ваши помыслы чисты, но в глазах других это будет выглядеть так, будто я потерял всякий стыд. Есть три рода учителей: те, кто дает начальное знание, те, кто обучает ремеслу, и те, кто наставляет в жизни. Я не учил вас азам, не передавал канонов официально и не обладаю вековым опытом, чтобы учить мудрости. Зачем нам давать повод для сплетен? Прошу вас, заберите свои слова обратно.

В древности обряд посвящения в ученики был делом серьезным. Если бы слух о том, что он стал «учителем» Чжан Вэньхай, дошел до академии Цишань, он бы вмиг восстановил против себя всех тамошних наставников.

— Ваша правда. Вы мудры и благородны, брат Чу, а я едва не втянул вас в беду. Что ж, на словах я не буду звать вас так, но в сердце своем навсегда сохраню почтение как к истинному наставнику.

— Хе-хе, как вам будет угодно, — вздохнул Чу Цы, понимая, что спорить бесполезно.

— Слова ваши глубоко запали мне в душу. Прошу вас, брат Чу, наставьте меня еще, развейте мои сомнения.

Видя такое рвение, Чу Цы не стал скупиться и поделился с ним хитростями и приемами, которые накопил за годы педагогической практики. Чжан Вэньхай внимал ему с горящими глазами, не в силах скрыть восторга.

Закончив объяснения, Чу Цы оставил его усваивать знания и тихо выскользнул из кабинета.

Время еще позволяло, и он решил заглянуть в книжную лавку «Ханьмо», чтобы узнать, готов ли его заказ у лавочника Лу.

Однако в лавке хозяина не оказалось. Ху-цзы объяснил, что тот снова уехал в уезд за товаром.

Видать, дела идут в гору. Чу Цы искренне порадовался этому — ведь процветание лавки сулило и ему добрый заработок.

Он немного полистал книги на полках и уже собирался уходить, когда Ху-цзы окликнул его:

— Сючай Чу, не обессудьте! Я совсем замотался и едва не забыл о поручении нашего хозяина.

— Ничего страшного, ты ведь вспомнил. Что за дело? Говори.

— Тут такое дело...

Ху-цзы вкратце обрисовал ситуацию, и Чу Цы всё понял. Всеми виной были его иллюстрации. Кто-то, не скупясь на золото, просил лавочника Лу устроить встречу с таинственным художником.

— Благодарю лавочника Лу за заботу, — ответил Чу Цы, немного подумав. — Однако у меня нет желания открывать своё лицо. Прошу передать почтенному гостю мой вежливый отказ. Буду весьма признателен.

Юноша решил не искушать судьбу. Слишком много шума вокруг его рисунков могло сослужить плохую службу — в кругах ученых его могли счесть простым ремесленником, искусным в «низких материях». Клеймо безродного маляра могло закрыть ему путь в высшее общество. Зачем же терять великое ради малого?